

движении, об американских классовых конфликтах. По стопам этих изданий пошли и еженедельники: «Индустриально-го союза рабочих мира», — «Новая солидарность» и «Индустриальный рабочий», как и многие другие рабочие издания.

Художественная же литература откликнулась на войну достаточно скудно. Основными причинами этого являются факты позднего вступления Америки в войну, ее отдаленности от театра военных действий. Число американцев, испытавших ужасы современной битвы, не было значительным. Солдаты американской армии никогда не рассчитывали сражаться на своей территории; мирные жители не боялись разрушения своих домов.

И книги, отражающие поле брани, описывают только отдельные происшествия солдатской жизни, но не содержат обличительных страниц. Наиболее характерно здесь творчество Гюи Эмпи, где в каждом абзаце можно найти проклятие или ругательство; эти ругательства в сущности бессмысленны, они не направлены ни против капиталистических правительств, ни против буржуазии, ни против офицерства. Исключением в этой военной литературе является только «Три солдата» Джона Дос Пассос.

Домой большинство американских солдат вернулось в боевом угаре, чванные и хвастливые. Если они и были чем-нибудь недовольны, то лишь тем обстоятельством, что их родственники имели возможность спекулировать и обогащаться, тогда как они сами, сидя в Европе, довольствовались только жалованьем.

Но сейчас настроение меняется как у солдат, так и у их окружения, которому спекулировавший и наживавшийся на поставках американский капитал давал возможность улучшить свой образ жизни. Усовершенствование производств, слияния, рационализация создали в течение нескольких последних лет регулярную армию безработных. Ставки работающих снижаются. И те бывшие пролетарии-эмигранты, которым военные заработки позволили обзавестись домиками, фордами, прачечными машинами и которые по-прежнему забыли свой былой радикализм,—

теперь снова на улице: им нечем даже оплачивать свой купленный в рассрочку комфорт. Им есть о чем подумать, они наконец постигнут, в каком положении сейчас находится рабочий класс Соединенных Штатов.

Из этой среды, из глубин разочаровавшегося, очутившегося у разбитого корыта рабочего класса мы можем ожидать писателей, которые дадут Америке настоящую картину войны и углубят антиимпериалистские настроения, выраженные пока что точнее всех Э. Синклером в «Джимми Хиггинс».

Джо Джексон.

Ральф Моттрам.

В настоящем номере нашего журнала напечатаны отрывки из романа Р. Х. Моттрама «64, 94!» (1925 г.).

Банковский служащий Ральф Хэйль Моттрам родился 1883 г. В литературе он выступил в 1924 г. романом «Испанская ферма», первой частью трилогии: «Испанская ферма», «64, 94!», «Преступление в доме Вандерлинденов», затем роман — «Наш мистер Дормер».

Трилогия эта являет собою попытку дать картину жизни фламандского фермерского семейства Вандерлинденов, чья ферма занята прифронтовым штабом и разрушена военными действиями. Первая часть получила в 1924 г. премию Hawthornden. В предисловии к роману Джон Голсуорси писал:

«Книга эта нова по форме, резко отличима даже в наши эксперименталистские дни... «Испанская ферма» не совсем роман и не вполне хроника; и здесь рождается интерес: совершенно ясно, что у автора не было неосуществившегося намерения сделать роман, не было и неосуществившегося намерения сделать хронику. Иными словами, мысли и материал привели его к открытию нового метода выражения. Это скорее всего можно было бы назвать высокоочеловеченной историей».

Основная идея трилогии: люди, претерпевшие тяготы и разрушения войны, становятся цепкими, хищными и более жизне-

способными. Эти люди гордятся тем, что были на войне, и выходят из нее большими и лучшими патриотами, нежели в нее вступили. Однако, несмотря на это реализм автора принудил его к введению в роман ряда сцен, поневоле сатирических и обличающих.

Скин, стержневая фигура «64, 94!», очевидно, в значительной степени автобиографичен.

Т. Л.

Морис Вламник.

Опасный поворот.

Морис Вламник один из основателей, вместе с художником Андре Дереном, живописного фовизма, пользуется сейчас мировой известностью, как лучший из современных французских пейзажистов. Его жизнь являет собой пример редкой человеческой энергии. Сын бедного, скромного музыканта, он с малых лет был предоставлен самому себе. Детство его было омрачено лишениями, а молодость прошла в постоянной тяжелой борьбе и нужде. Он был велосипедным гонщиком, музыкантом, заводским рабочим, репортером, писателем. Он менял профессии, подвергал себя изнурительному труду по ночам только для того, чтобы иметь возможность несколько часов в день заниматься живописью. Вламник — сейчас признанный художник, но он не принадлежит к той категории людей, которые платят за признание уступками, идут на компромиссы и все забывают. Вламник ни, чего не забыл, и из своих наблюдений, из всего своего прошлого вывел большую жизненную мудрость. И если тяжелые условия, в которых ему пришлось жить, выработали из него человека непоколебимой воли, то они же в нем воспитали яростного врага буржуазного общества.

Не все для нас может быть вполне приемлемо из его рассуждений и несколько упрощенной индивидуалистической философии, но его наблюдения чрезвычайно характерны и интересны. Говорит ли он о проблемах искусства, о литературных течениях, он все преломляет через свой острый ум, и его мысли приоб-

ретают неожиданную привлекательность и оригинальность.

Европейская война оказалась поворотным моментом в его жизни. Как человек повышенной впечатлительности, он не мог примириться с ее ужасами, и она оставила на нем неизгладимый след. Его вышедшая недавно книга «На опасном повороте» является любопытнейшим человеческим документом, отражающим настроения целой эпохи переживания французского интеллигента на рубеже самого острого социального кризиса, который сейчас переживает Европа.

Мы привели в этом номере несколько отрывков, относящихся к периоду мобилизации во Франции накануне империалистической войны. То, что отличает их от обычной мемуарной литературы и беллетристики, — это их жизненность и оригинальность формы. Вламник не писатель, а рассказчик, интересный собеседник. Он не пишет, а рассказывает, и языковые интонационные нюансы имеют в его рассказах огромное значение. Только в таком виде их и надо воспринимать. При записи их он сохранил эту особенность, и они поэтому читаются с большой легкостью.

Сергей Ромов

«14 июля» — Либеральная летопись предвоенного месяца.

Живых и сознательных агентов, не зная которых трудно, — по словам М. Н. Покровского, — и судить о событиях мировой войны, изобразил сейчас Эмиль Людвиг. «14 июля» — историко-психологический этюд, почти роман об убийстве Франца Фердинанда, об ультиматуме Берхтольда о серии дипломатических поджогов — сделан не без специфически-людвиговского умения оживлять документы; раньше этот роман не мог появиться, 15-летняя давность освобождает всякого склонного к художественному анализу автора от необходимости вторить газетному эху. Людвигу же, специалисту политико-психологического портрета, эти 15 лет доставили не меньше документов для повести о бурном лете 1914 года, чем целое столетие, — для его книги о Наполеоне, или тридцать лет, прошедших со дня смерти друзей